

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДА К ПРЕФИГУРАТИВНОМУ ТИПУ КУЛЬТУРЫ

Т. В. Зайдадь

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
E-mail: gghoyden@gmail.com

В статье рассматриваются социальные изменения (межпоколенческие, в структуре и функциях семьи) под влиянием индустриализации и урбанизации, эмансипация женщин, зарождение массового потребительского общества и молодежной культуры во второй половине XIX – первой половине XX вв. в процессе перехода к префигуративному типу культуры.

Ключевые слова: семья; индустриализация; урбанизация; префигуративная культура; молодежная культура; эмансипация.

SOCIO-HISTORICAL CONTEXT OF TRANSITION TO A PREFIGURATIVE TYPE OF CULTURE

T. V. Zaidal

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: gghoyden@gmail.com

The article discusses social changes (intergenerational, in the structure and functions of the family) under the influence of industrialization and urbanization, the emancipation of women, the emergence of a mass consumer society and youth culture in the second half of the XIX – the first half of the XX centuries in the process of transition to a prefigurative type of culture.

Key words: family; industrialization; urbanization; prefigurative culture; youth culture; emancipation.

История борьбы детей и молодежи за право быть услышанными и воспринятыми наравне со взрослыми, стать источником новой общности опыта, которого никогда не было у старших, тесно связана с социально-историческим контекстом второй половины XIX – первой половины XX вв.

В крестьянских семьях Центральной и Западной Европы XIX в. выражение родительских чувств к детям происходило все еще без «современной» чувствительности. Эмоциональное отношение к ребенку выражалось не эмпатией и словом, а символами и ритуальными действиями. Школа до конца XIX в. оставалась чуждой принципам крестьянского мира, будучи не связанной с непосредственным опытом формой обучения. С наступлением возраста полового созревания крестьянские дети (в основном, это касалось юношей) присоединялись к местным молодежным группировкам, которые в своей внутренней иерархии структурировались, прежде всего, по возрасту. Компании холостых парней придумывали различные обычаи и ритуалы, посредством которых они пытались защитить свои интересы перед взрослыми и юношами из других селений, конкурируя на «брачном рынке». Специалист в области исторического исследования семьи Р. Зидер отмечает, что семьи, состоящие из трех поколений, возникли в большинстве своем только в XIX в., когда в связи с ростом продолжительности жизни усилилось давление на старшее поколение, чтобы они передавали хозяйство и надел своим наследникам, – приобрел значение «стариковский выдел» [1, с. 65]. Из-за неразрывности домашнего единства поколений, ведущих хозяйство, напряженность в отношениях между старшими и младшими была обычным делом. Об этом свидетельствуют не только ходившие в то время в поговорки, но и то, что договоры о выделе стариков начали заключать в письменной и нотариально заверенной форме с детальным регулированием порядка проживания старых и молодых, а для разрешения спорных случаев предлагалось ввести суды совести.

Положение детей рабочих «домашней промышленности» отличалось от положения крестьянских детей относительной независимостью в выборе брачного партнера и профессии. По утверждению Р. Зидера, «переход от крестьянских форм производства к надомным промыслам сопровождался уменьшением родительской власти и возможности контроля над детьми» [1, с. 86]. Это, в свою очередь, обусловило усиление молодежной культуры. Место патриархальных и связанных с домом правил регулирования брачных отношений заняли нормы, принятые среди сверстников. Исключительно девичьи посиделки после рабочего дня к концу XIX в. превратились в места общения сельской молодежи обоих полов, на которых пели,

танцевали, обсуждали жизнь взрослых, проделки и отношения молодых, всевозможные сплетни и «бесстыдные истории». Снижение брачного возраста и снятие барьеров на пути к браку для детей, родившихся после наследника, ставшее возможным благодаря заработку в надомных промыслах, повысило значение сексуальной сферы в повседневной жизни и привело к определенной эмансипации девушек. Женщины и дети в семьях надомников зарабатывали деньги наравне с мужчинами, и, кажется, «именно потребительский статус обнаружил тенденцию к равноправию полов». Заработок подростков в семьях надомников ослаблял экономическую зависимость от дома, делал возможным более раннюю эмансипацию от родной семьи и способствовал формированию личностной жизненной позиции. Тем самым была подготовлена самая большая миграция из всех ныне известных в Европе – уход в переживавшие промышленный рост города.

Способность завести семью, а значит, и социальная зрелость у ремесленников определялась получением звания «мастера», в отличие от типичного для крестьян идеала достижения положения «полнонадельного хозяина». Семьи ремесленников редко состояли из трех поколений (небольшого дохода не хватило бы на их содержание). Устройство стариковского надела было излишним, так как мастер, как правило, работал до самой смерти. В этой связи наследники не ждали от него передачи средств производства, а вооруженные квалификацией и профессиональной гордостью, отправлялись в странствия, чтобы завести собственную мастерскую или вступить в брак с вдовой или дочерью ремесленника. Цеховое ремесло монополизировало профессию за мужчинами: существовали особые нормы, исключавшие девушек из процесса обучения. Для женщин оставалось недоступным и «знание света», которое могло быть приобретено только в ходе странствий подмастерьев. Таким образом, ремесло способствовало формированию кажущихся «естественными» половых ролей. Цехи поощряли высокую региональную мобильность, поэтому не одобряли, а во многих местах даже запрещали обучение сына у отца. Семья ремесленников воспитывала детей в первую очередь не для домашнего хозяйства и не для собственного ремесленного производства, а для городской жизни, которая должна была пройти вне стен родного дома, поэтому правилам и стилю воспитания придавалось боль-

шое общественное значение. Отцовский и профессиональный авторитет слились воедино, чтобы с малых лет приучить ребенка к субординации и послушанию. При этом чем меньше родители могли заботиться о детях, тем чаще они поручали их группе играющих на улице сверстников.

С началом промышленной революции и появлением новых отраслей производства росла концентрация трудовых ресурсов на фабриках и заводах. Традиционные структуры работы, соседства и семьи трансформировались. Городское население стало более мобильным – молодежь, отделившись от родителей, переезжала туда, где была работа. Однако «расширенная семья» в среде рабочих все еще обеспечивала круг взаимной поддержки, социальных контактов и иногда материальной помощи.

Банкиры, купцы, первые капиталистические предприниматели, высшие чиновники, гимназические учителя, судьи и пасторы, люди самых разных интеллектуальных профессий и хорошего достатка все больше отделяли свою бытовую жизнь от места, где они зарабатывали деньги, постепенно формируя сферу частной жизни. Осуществлялся переход к буржуазной модели семьи и более эмоциональным семейным отношениям, в которых обращение взрослых с детьми потребовало систематической рефлексии. Из разделения производства и семьи, разделения публичной и частной сферы жизни, возможности получения образования возникло сентиментальное семейное пространство с браком по любви. Буржуазная жизнь требовала индивидуализации личности. Дистанция между родителями и детьми сокращалась, частые физические наказания становились проблемой. Р. Зидер отмечает, что «подобно тому, как в супружеской связи стали видеть союз двух индивидов, любящих и уважающих друг друга за свойственные им качества, дети, плод любви супругов, во все возрастающей степени рассматривались как личности» [1, с. 133]. Отсюда желание понять мотивы поступков детей и влиять на эти мотивы. Л. Демоз на основе психоанализа исторического материала также констатирует, что отношение к детству эволюционировало вместе с ростом психологической зрелости и изменением воспитательных стратегий в сторону их гуманизации. Ученый отмечает, что «реакция сопереживания», то есть способность взрослого регрессировать к уровню потребностей ребенка и правильно распознавать их без примеси своих собственных

проекций, появилась сравнительно недавно, в конце XIX – начале XX столетия, в Европе и России [2, с. 8].

Индивидуализация и растущая вместе с ней потребность отделиться друг от друга получила архитектурное выражение в специализации помещений (кабинет, столовая, детская и т. д.). Разное для мужчин и женщин образование и воспитание быстро воспринималось как «природа полов» и подтверждало идеологию. Место женщины было в доме, мужчины же реализовывались во внешнем мире. Буржуазная семья воспроизводила из поколения в поколение комплекс казавшихся естественными качеств полов, которые фактически в результате этого разобщались.

Неслучайно волны феминистического движения совпадают с важнейшими историческими этапами в процессе перехода к префигуративному типу культуры: второй половиной XIX в., 20-ми и 60-ми гг. XX в. В 1848 г. в США участники движения против рабства подписали Декларацию позиций и резолюций, касающуюся положения женщин. Декларация стала поворотным пунктом в истории американского и мирового феминизма. Женщины, играющие в европейском социуме XIX в. второстепенную роль и определяемые наравне с детьми как существа слабые, нуждающиеся в опеке «старшими» и «сильными», сигнализировали о желании изменить значение женщины появлением типа «новой женщины»: полноправной, полноценной личности, требующей уважения к своей свободе и чувствам (впервые термин появился в книге С. Гранд «Новый аспект женского вопроса» (1894)). Пришедшие на производства во время Первой мировой войны работницы приобрели опыт взаимной солидарности и выживания. В 1918 г. англичанки добились избирательного права для замужних, а в 1928 – в полном объеме.

Психоаналитик П. Федерн говорил в 1919 г. об «обществе без отцов» – многие из тех, кто вернулся с войны, были калеками, страдали от военных неврозов и долгое время не могли найти работу. Историк семьи и детства Ф. Арьес писал, что Первая мировая война породила феномен «молодежного сознания», а юность стала наиболее ценным возрастом. Семья стала объектом социального контроля и вмешательства со стороны органов социального обеспечения, но не столько как социальная система в целом (это произошло в 60-х гг. XX в.), сколько в плане надзора над детьми и молодежью. Там, где, как полагали, семья не могла обеспечить приемлемые «ус-

ловия воспитания», подыскивались возможности для временного или длительного пребывания детей в детских домах. В детских консультациях матери получали советы врачей, акушерок, работников социального обеспечения по вопросам питания и ухода за младенцами и маленькими детьми. В 1924 г. Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве была принята Декларация прав ребенка. Разработанная Э. Джебб (основательницей британской организации «Спасите детей») Декларация состояла из пяти основных принципов, направленных, в частности, против детского труда и рабства, торговли детьми и проституции несовершеннолетних.

В семьях фабричных рабочих дети подработками вносили существенный вклад в семейный бюджет. Старшие большую часть дня были предоставлены сами себе, большинство детей рабочих были лишены внимания, ухода и помощи родителей. Очевидно, что семья рабочих не могла позволить себе то, что возлагалось на нее буржуазной моралью и нравочениями органов социального обеспечения, – педагогически контролировать и воспитывать детей вне школы. Тем самым еще больше снижалось значение родителей, прежде всего отцов, в социализации детей. Существенные процессы формирования личности происходили в уличных неформальных детских и молодежных группах, а позже и в юношеских секциях рабочих партий и церкви. Национал-социализму удалось использовать в своих интересах то напряжение между поколениями, которое сложилось после Первой мировой войны и затем в 20-е гг. XX в. вследствие противоречия между авторитарными семейными структурами и одновременным падением авторитетов отцов (из-за поражения в войне и в мирное время в условиях безработицы). Развитая сеть национал-социалистских организаций предлагала новые возможности роста, повышавшие уровень самосознания молодежи. Подъем над средой происхождения, профессиональные и спортивные соревнования, выезды в лагеря создавали впечатление повышенной социальной мобильности. Молодежь доказала, что обладает потенциалом для формирования будущего страны.

«Колыбелью» кофигуративной культуры на Западе стала иммигрантская Америка. Большая часть новоприбывших в США на рубеже веков были иммигрантами – 78 процентов населения города составляли дети родителей, появившихся, в свою очередь, вне США – в Италии, Ирландии, Германии, Восточной Европе. Адаптация

с грузом европейского прошлого проходила тяжело – дети иммигрантов старались порвать все связи с «обычаями Старого света», отказаться от всех прежних точек опоры. При этом, как утверждает исследователь молодежной культуры Д. Сэвидж, «отчужденность ребенка, знавшего лишь Америку, от родителей, все еще тесно связанных с оставленной ими страной – вплоть до почти полного незнания английского языка – в период полового созревания могла только усилиться. Поэтому дети пошли своей дорогой» [3, с. 90]. С 14 лет, а то и раньше, подростки отправлялись на работу, имея возможность тратить деньги на свое усмотрение: дешевые журналы, кабаки, синематограф, танцевальные залы, одежду. «В городском сознании континента, начинавшего определять себя посредством стремления к удовольствию и индустриализации, извечная тяга молодых к возбуждению обострялась и была почти на грани сверхраздражения» [3, с. 91]. Американские «флэпперы» 1920-х гг. выработали совершенно новый принцип эмансипации – через все большее потребление.

По мнению французского философа Б. Штиглера, в XIX в. идеи индивидуализации личности, подстегиваемые индустриализацией и необходимостью «создания» покупателя для общества массового потребления, с одной стороны, и производство фотографических, фонографических и кинематографических устройств, с другой, выступили в качестве условий для внедрения новых психотехник культурных индустрий (ранее это были чтение и письмо) и помогли ниспровергнуть образовательную систему как основной социальный аппарат для систематического формирования заботы как общей ответственности и построения зрелости [4, с. 63–64]. Семья стала производственной единицей новой экономики человека, основанной на материализме, потреблении и массовом производстве.

Величайшей проблемой XX в. Б. Штиглер называет революцию, в которой человеческий образ жизни превращается в способ потребления путем постепенной ликвидации жизненных навыков в экономике промышленного обслуживания, основанной на культурных индустриях. Разрушение ассоциативных (символических) медиа является неизбежным результатом этой эволюции, по мере того как они заменяются диссоциативными (кибернетическими) медиа, а маркетинг раскрывается как предписание против всех систем заботы и, что наиболее важно, против всех межпоколенных отноше-

ний. Именно маркетинг, по его словам, делает молодежь инфлюенсерами, превращая родителей в «больших детей».

Переход к префигуративному типу культуры в западных обществах тесно связан с социально-историческим контекстом середины XIX – середины XX вв. Среди событий и процессов, сыгравших ключевую роль, можно назвать: индустриализацию и урбанизацию, рождение массового потребительского общества, индивидуализацию и демократизацию, распространение идей равноправия людей независимо от пола и возраста, эмансипацию женщин и молодежи, последствия Первой и Второй мировых войн. В это время осуществляется переход к нуклеарному типу семьи, появляются новые модели педагогики, под влиянием ускорения технологического развития повышаются требования к уровню образования каждого последующего поколения, проникают идеи самоценности и уникальности личности, идеологии личного успеха.

Библиографические ссылки

1. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) / Р. Зидер ; пер. Л. А. Овчинцева. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 304 с.
2. Демоз, Л. Психоистория / Л. Демоз ; пер. А. Шкуратов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 512 с. – (Классики психологии XX века).
3. Сэвидж, Д. Тинейджеры. Зарождение молодежной культуры. 1875–1945 / Д. Сэвидж ; пер. А. Беляев, К. Царьков. – М. : Белое Яблоко, 2017. – 630 с.
4. Stiegler, B. Taking Care of Youth and the Generations / B. Stiegler ; transl. S. Barker. – Stanford, Calif. : Stanford Univ. Press, 2010. – 238 p. – (Meridian: Crossing Aesthetics).

КУЛЬТУРНЫЕ ПОВОРОТЫ ПОСТМОДЕРНА

Э. А. Усовская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
E-mail: elina-rain@mail.ru

В статье рассматриваются значимые качественные изменения в разных формах культуры и научных исследованиях во второй половине XX в. Эти трансформации получили название культурных поворотов. Особое внимание уделяется проблеме связей между ними